

УДК 81`367.625

ПРОБЛЕМА ГРАММЕНЫ ФУТУРУМА В КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

А.С. Иванов

Тверской Государственный Университет, Тверь

В статье рассматриваются вопросы категории времени, граммы будущего времени, её статуса как морфологической категории; отмечается определённая асимметричность категории будущего времени по отношению к другим временным категориям.

Ключевые слова: *грамма, футурум, окно наблюдения, дейксис, абсолютное время, ирреалис.*

Одной из главных проблем, занимающих лингвистов сегодня, является проблема места будущего времени среди других грамматических времен. Проблема кажется несложной на первый взгляд, если представлять себе время как вектор, идущий из прошлого в будущее (линейное представление времени). Таким образом, будущее время будет расположено справа от настоящего, а настоящее время будет расположено посередине между будущим и прошедшим. Но современные лингвисты (В.А. Плунгян, О. Даль, Б. Комри) часто не соглашаются с данной точкой зрения, так как по своим семантическим и морфологическим характеристикам будущее время (футурум) значительно отличается от прошедшего (претерит) и настоящего (презент).

Говоря о грамматическом времени, лингвисты имеют в виду в первую очередь временную дейксис, т.е. соотношение времени описываемой ситуации со временем момента речи. По словам Е.В. Падучевой, «дейксис является референциальным свойством, условием связности текста на основе соотношения языковых факторов с внеязыковыми объектами» [2: 244]. Важно то, что временные категории ничего не сообщают о том, как развивалась сама ситуация, завершилась или нет. Об этом нам говорят различные показатели аспекта, которые к тому же часто имеют отдельное грамматическое выражение в языках. Как было сказано выше, время в естественных языках, как правило, представляется линейно, т.е. как вектор (направленный из прошлого в будущее), временная ориентация ситуации сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации и ситуации речевого акта (т.е. того момента, когда говорящий сообщает о каком-то событии). Это – простейший «эгоцентрический» способ локализации ситуации во времени, и все естественные языки применяют его достаточно единообразно, независимо от культурных различий в восприятии времени как такового (эти различия, как считается, могут быть очень значительными). Некоторые лингвисты утверждают, что определённые культуры вообще не имеют концепта времени, но Б. Комри в своей работе доказывает, что такое невозможно, ввиду того, что культуры, в которых нет понятия времени, не смогли бы различать этапы развития человека: ребенок – взрослый – старик и т.д., но таких культур нет. Скорее всего, в этих культурах нет концепта

временного прогресса, т.е. завтра будет таким же, как вчера, без изменений, что отражается в грамматической структуре времени. И, вероятно, понятие временного прогресса – это недавнее изобретение западных культур [6: 3–4].

Обычно, когда говорят, что ситуация совпадает или следует за моментом речи, имеют в виду простую ситуацию, когда говорящий и слушающий наблюдают то, что происходит: *Смотри, дождь идет; Время 3 часа. Мы опоздаем на поезд.* Таким образом, имеет место включение момента речи в ситуацию, но данный случай бывает не так часто. При утверждении *он хорошо поёт* ситуация скорее всего не разворачивается перед нашими глазами. Это общее утверждение, констатация факта. Утверждения о свойствах или постоянных истинах нередко делаются не в настоящем, а в будущем времени. Такая возможность имеется и в русском языке. Например, в выражениях: *ты его слушай, он тебе ещё что-нибудь расскажет* или *с него не убудет* усматривается потенциальное значение ('может рассказать', 'его ничто не беспокоит'). Таким образом, любое высказывание, имеющее глагольную форму в определённом грамматическом времени, служит для соотнесения двух пунктов на временной линии: «один из них – это момент речи, тогда как другой – это тот момент или период времени, который находится в фокусе внимания говорящего» [3: 279]. Тогда понятно, что граммы категории времени как раз и соотносятся с этим определённым моментом на временной оси, а не с самой описываемой ситуацией, обозначенной глаголом. Такой момент в фокусе внимания говорящего называется «окном наблюдения» (В. Клайн). Временные формы глагола служат для соотнесения момента речи, или иной выбранной точки с окном наблюдения. Например, фраза *Михал Дмитрич дойдет пешком, хочет прогуляться* (Б. Акунин) сообщает нам об ориентации высказывания на достижение финала (комплетив), который находится в окне наблюдения, в то время как фраза: *Буду ждать известий, Эраст Петрович. С Богом* (Б. Акунин) фокусирует внимание на длительности ситуации (прогрессив), оставляя вне окна наблюдения начало и конец процесса. Важно заметить, что обе эти ситуации находятся в будущем, вне зависимости от характера описываемого процесса. В данной статье нас интересует именно следование окна наблюдения за моментом речи и трудности, связанные с описанием этого феномена.

Утверждения о будущем в работах лингвистов имеют серьёзные отличия от утверждений о прошлом и настоящем. Дело в том, что подавляющее большинство прошлых и настоящих ситуаций, о которых идёт речь, люди могли наблюдать лично, но в отличие от них, будущие события не относятся к реальному миру: «любое утверждение о будущем представляет собой пусть даже и очень достоверную, но гипотезу» [3: 284]. Используя в речи грамму будущего времени, говорящий сообщает не просто то, что ситуация последует за моментом речи, а то, что данная ситуация не относится (и не относилась) к реальному миру. Тем не менее, такая вероятность есть. Если бы говорящий считал, что ситуация, о которой он сообщает, не может ни при каких обстоятельствах принадлежать к реальному миру, то он воспользовался бы грамматикой ирреального наклонения. Таким образом, будущее время оказывается очень близко от семантической зоны

ирреальности, которая обеспечивается в языках различными формами модальности [цит. раб.: 285]. Основываясь на данных утверждениях, многие лингвисты полностью отрицают возможность отнесения граммы футурума к будущему времени (таким образом, семантическая категория времени будет состоять из оппозиции «прошедшее – настоящее»). Какое бы решение не принималось по данному вопросу, лингвисты отмечают несимметричность будущего времени по отношению к остальным временам. Современные футурологи не согласны с «логическим» значением, соотносимым с категорией времени (следование, предшествование и одновременность), говоря о том, что данная формулировка вызывает параллелизм этих граммем, который в языках отсутствует. Следует заметить, что на определённую «асимметрию» в последовательности событий указывал Г. Райхенбах, говоря о том, что событие, следующее за моментом речи, не может быть ему симметрично, так как в какой-то степени является его следствием [4: 157].

Особый статус футурума подтверждается и тем фактом, что во многих языках показатели будущего времени могут свободно сочетаться с показателями прошедшего, что делает весьма затруднительным их объединение в одну грамматическую категорию [3: 285]. В результате такого сочетания появляются формы «будущего в прошедшем», характерные для романских и ряда германских языков. Эти формы чаще всего используются для выражения следования или намерения; например, английские формы *will come* и *would come*; последняя форма будет сочетаться с показателями имперфекта. Важно отметить, что в этих языках даже «абсолютное» будущее время имеет тенденцию к выражению скорее намерения или неуверенности в том, что описываемая ситуация произойдет, что ещё больше сближает эту грамму с семантикой ирреалиса. В языках с данной грамматической структурой грамма футурума отличается от будущего и прошедшего даже морфологически. Надо заметить, что в русском языке такое различие отсутствует, но грамма будущего времени имеет определённые морфологические и семантические особенности. Так, морфологически выраженным будущим временем обладает только грамма будущего времени несовершенного вида (как правило, выражает прогрессив), в то время как совершенный вид будущего времени морфологически совпадает с грамматикой презенса, которая оказывается семантически двойственной и в которой поочередно реализуется значение то настоящего, то будущего времени [1: 82]. Конечно, возможно и строгое троичное противопоставление (как в литовском языке, где настоящее время имеет нулевой суффикс или суффикс *-a-*, прошедшее – суффикс *-o-*, а будущее – суффикс *-si-*; сочетания суффиксов в одной словоформе исключены), но характерно, что такие системы являются сравнительно редкими [3: 286].

Важными при описании будущего времени, как и при описании претерита, являются грамматические особенности ситуаций, у которых начало совпадает с моментом речи, но основная фаза ещё не наступила. Так же как и с неполным предшествованием, в случае неполного следования в языке есть две особенности для выражения этого значения; выбор между презенсом и футурумом и здесь может нести дополнительную семантическую нагрузку. Например, противопоставление высказываний типа *мы опаздываем* и *мы*

опоздаем, где в первом утверждается существование в момент речи значительных предпосылок к осуществлению данной ситуации, а во втором случае такого утверждения нет. В различных языках это значение выражается по-разному, часто оно выражается специальной аспектуальной граммемой – проспективом. Ярким примером проспектива являются английские глагольные конструкции с *be going to*.

Таким образом, существуют все основания полагать, что граммема будущего времени может быть граммемой особой категории (а в более радикальном варианте – вообще категорией, не имеющей своей главной задачей выражение дейксиса). Это утверждение подтверждается также тем фактом, что кроме семантических особенностей футурума существует морфологически самостоятельное будущее, которое можно встретить в достаточно большом количестве языков на земле. С диахронической точки зрения, показатели граммеы будущего времени обычно имеют тенденцию к отдельному развитию от показателей настоящего и прошедшего, которые обнаруживают значительные сходства в своём развитии. Показатели будущего времени обычно происходят из совершенно иных лексических источников, как правило, это предикаты: ‘идти’, ‘хотеть’ (как, в частности, в балканских языках), ‘начинать’ или ‘мочь’ / ‘быть должным’ [5: 251–254]. Кроме того, существует большое количество языков, в которых будущее время вообще никак грамматически не выражено, или выражено очень слабо (гораздо слабее остальных граммем категории времени) [7: 109], а сама категория времени включает в себя две граммеы – прошедшего и непрошедшего (граммеы непрошедшего времени, как правило, используются для описания будущих ситуаций).

Важно заметить, что часто в лингвистической литературе учёные указывают на существование языков с так называемой оппозицией будущего – небудущего времени, т.е., в отличие от предыдущей группы, различающих граммемы будущего времени и граммеы небудущего времени. Однако и в этом случае параллелизм между будущим временем и другими временами оказывается во многом иллюзорным [3: 257]. В основном, языки, в отношении которых делается такое утверждение, не имеют категории времени как таковой; в этих языках наблюдается оппозиция другого рода – реальных (т.е. «не-будущих») и ирреальных (т.е. «будущих») глагольных форм. И тогда будущие формы в этих языках будут иметь гораздо более широкую модальную семантику, даже если сравнивать с обычными формами будущего времени. Но, тем не менее, в редких случаях, по-видимому, есть языки, в которых граммемам футурума противопоставлены формы, выражающие либо презенс, либо претерит в зависимости от контекста. В своих работах к таким языкам Дж. Байби относит нивхский язык, а Б. Комри – новогвинейский язык хуа. Этот вопрос необходимо исследовать более детально, так как, на современном этапе, данных об этих языках ещё недостаточно для того, чтобы сделать более конкретное утверждение.

Таким образом, будущее время представляет собой довольно сложную категорию, классификация и описание которой вызывают определённые трудности у современных лингвистов, так как её семантика и морфологическое выражение отличаются от значения граммем прошедшего и

настоящего. Исходя из этого, есть возможность предполагать, что граммема футурума составляет отдельную категорию внутри грамматической категории времени.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1966. 185 с.
2. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 2010. 480 с.
3. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
4. Райхенбах Г. Философия пространства и времени / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
5. Bybee J. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 398 p.
6. Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 139 p.
7. Dahl O. Tense and Aspect Systems. Oxford. Basil: Blackwell, 1985. 212 p.
8. Klein W. Time in language. London: Routledge, 1994. 240 p.

FUTURE GRAMMEME IN THE SEMANTICS OF THE CATEGORY OF TENSE

A.S. Ivanov

Tver State University, Tver

The paper focuses on questions related to the future tense category, future tense grammemes, and their status as a morphological category. The author finds a certain asymmetry compared to other categories of tense.

Keywords: future grammeme, time topic, deixis, absolute tense, irrealis mood.

Об авторе

ИВАНОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: ivanov.alexander.sergeevich@mail.ru